

Библиографический список

1. *Басистов, Ю.* Что сплет дуэт Путин-Медведев? / Ю. Басистов // Секретные материалы XX века. – 2008. – № 10.
2. *Воцанов, П.* Номенклатура возвращается / П. Воцанов // Новая газета. – 2004. – № 77. – 18 октября.
3. *Известия.* – 2003. – 9 декабря.
4. *Известия.* – 2004. – 25 февраля.
5. *Красин, Ю. Л.* Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю. Л. Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 134.
6. *Малинова, О. Ю.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. – 2007. – № 1. – С. 18.
7. *Независимая газета.* – 2004. – 28 мая.
8. *Пивоваров, Ю. С.* Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита / Ю. С. Пивоваров // Полис. – 2006. – № 1. – С. 16.
9. *Резим доступа:* <http://www.levada.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
10. *Рыжков, В.* Откат / В. Рыжков // Новая газета. – 2004. – № 68.
11. *Сурков, В.* Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию / В. Сурков // Эксперт. – 2006. – № 43.
12. *Третьяков, В.* Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина / В. Третьяков // Российская газета. – 2005. – 28 апреля.

**К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА КОНЦЕПЦИИ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹**

Р.Х. Усманов
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: миграция, конфликт, геополитические процессы, конфликтогенный фактор, этнополитическая безопасность, толерантность, глобализация, микрорегион, макрорегион.

Key words: migration, conflict, geopolitical processes, conflictogenic factor, ethnic and political security, tolerance, globalization, microregion, macroregion.

Мировой опыт показывает, что кризис экономической жизни, общества, а впоследствии ослабление внимания к культурно-национальному наследию, к традициям межнационального сотрудничества ведут к усилению межэтнической напряженности и ослаблению национальной безопасности государства. В такой ситуации начинают активно действовать различные этнические «элиты», «касты», которые пытаются формировать образ врага из инонациональных групп и национальных меньшинств. Часто это удается осуществлять в переломные моменты для общества, при смене или реорганизации государственного устройства.

Задача государства и каждого региона, ее властных структур в период трансформации политических режимов, решая социально-экономические проблемы, создавать благоприятную идейно-нравственную и психологическую атмосферу в обществе через язык, традиции сотрудничества, культурное наследие нации и т.д. Особая роль в этом плане должна отводиться в стране (тем более, если государство как Рос-

¹ Основные положения данного проекта были ранее опубликованы (в статье научного журнала РАН «Народонаселение» за 2002 г. № 2) и апробированы в ряде научных конференций (Все-российская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму», г. Махачкала, 20–21 ноября 2008 г.).

сия многонациональное сообщество) деятельности политических и интеллектуальных элит, которые, как правило, консолидируют это общество.

Разумеется, при этом, нисколько не подвергается сомнению то, что настоящее и будущее российских народов, их межнациональные отношения в стране главным образом зависят, от социально-экономического положения государства. Но все же вопросы культуры, традиций, языка их историко-философские аспекты должны неразрывно присутствовать при разработке и реализации федеральных программ и постоянно быть в поле зрения наших политических и государственных деятелей. Такое внимание должно быть, и современные события это подтверждают, как к коренным народам, проживающим на территории страны, так и к возрастающему миграционному населению в отдельных регионах страны. Особенно это относится к нашему Югу России.

Последняя перепись населения России 2003 г. свидетельствует о том, что в отдельных районах Республики Адыгеи, Краснодарского и Ставропольского краев, Волгоградской, Ростовской, Астраханской областей существенно нарушен сложившийся этнический баланс населения. Сегодня становится очевидным, что процесс адаптации мигрантов к новым местам проживания и к местным традициям и обычаям еще не носит системного и пристального внимания со стороны государственных учреждений. В результате периодически вспыхивают конфликты между коренным населением и мигрантами, последствия которых сказываются в дальнейших геополитических процессах [9, с. 98–106].

Нужно отметить, что в современном мире в последнее время все чаще обнаруживаются тенденции, представляющие некоторую опасность строить национальную политику только по политической целесообразности. Не всегда учитываются культурное наследие общества, развитие объективных процессов жизни наций, народностей и этнических групп, которые проповедают интеллектуальные элиты, и наоборот преследуя только лишь узко националистические интересы. Яркий тому пример августовские события 2008 г. в Грузии – военный конфликт между народами Южной Осетии, Абхазии и Грузией с многочисленными невосполнимыми человеческими потерями.

Некоторые черты такой тенденции прослеживаются и в ряде регионов России и стран СНГ. Так, например сегодня в результате быстро изменяющихся геополитических процессов в стране, Юг России вступил в очередной новый этап региогенеза. Но, несмотря на относительную стабильность, которая носит неустойчивый и обратимый характер, в настоящее время в этих регионах все же сохраняется высокий уровень конфликтности. Такой вывод сделан из предварительного фактического и аналитического материала экспертной группы Южного федерального округа под руководством ведущего конфликтолога чл. корр. РАН, д.ф.н. А.В. Дмитриева [1].

Рассматривая более детально современную эпоху трансформации политической системы нашего общества через призму региогенеза надо отметить, что первым определяющим и причинно-следственным фактором регионального этнополитического конфликта Юга России, который сопровождается с начала 1990-х гг., является конфликт, возникший на Северном Кавказе. Эти события можно отнести к началу или к *первому этапу* этнополитических конфликтов Юга России и об этом можно уже говорить как бы в «прошлом».

Они (конфликты) характеризовались своим открытым вооруженным противостоянием к существующей власти и разницей в региональных уровнях развития. Данный этап рассматриваемого конфликтного периода 1990-х гг. подтверждается исследованиями ведущих экспертов Юга России. Так, в 2007 г. в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе» при участии Института социологии РАН и Южного научного центра РАН, были определены основные конфликтные факторы, действовавшие на Юге России, и выявлены основные тенденции этнополитических конфликтов в 1990-е – начале 2000-х гг.

Таблица 1 показывает экспертное мнение основных конфликтных факторов, действующих на Юге России в 1990-е гг., где национальная политика, которая стоит на первом месте, переплетаясь с экономическим кризисом конца 1980-х – начала

1990-х гг. усилила социально-экономические диспропорции территориальных образований в северокавказском регионе. Главным образом исторический аспект (нациестроительство 1920–1930-х гг.) региональных конфликтов на Северном Кавказе в конце XX в. актуализируется в качестве основного конфликтогенного фактора, и имеют тесную взаимосвязь с особенностями региона – его полиэтничностью.

Таблица 1

Основные конфликтогенные факторы, действовавшие на Юге России в 1990-е гг.*

Ранг	Конфликтогенный фактор	Средний балл
1	Нациестроительство в регионе в 1920–1930-е гг.	1,75
2	Депортация периода Великой Отечественной войны	2,00
3	Политика центральных органов власти в 1990-е гг.	2,00
4	Экономический кризис конца 1980 – начала 1990-х гг.	2,13
5	Социально-экономические диспропорции территориальных образований в регионе	2,14
6	Национальная политика советского государства эпохи перестройки	2,50
7	Распад СССР	2,89
8	«Парад суверенитетов» начала 1990-х гг.	3,10
9	Национальная политика российского государства второй половины 1990-х гг.	3,11
10	Этническая неоднородность политико-географических территориальных образований (этносоциальная стратификация)	3,16
11	Политика региональных органов власти в 1990-е гг.	3,17
12	Неконтролируемые миграционные процессы в северокавказском регионе	3,40

* Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. *Региональная конфликтология: экспертное мнение. М., 2007. – С. 44.*

Таблица 2

Основные конфликтогенные факторы, действующие на Юге России в 2001–2006 гг.*

Ранг	Конфликтогенный фактор	Средний балл
1	Особенности российской экономики начала XXI в.	1,31
2	Политика центральных органов власти в 2000-е гг.	2,07
3	Национально-территориальное устройство Юга России	2,13
4	Социально-экономические диспропорции территориальных образований в регионе	2,23
5	Неконтролируемые миграционные процессы в северокавказском регионе	2,28
6	Политика региональных органов власти в 2000-е гг.	3,00
7	Националистическая деятельность этнополитических элит региона	3,10
8	Политика США на Кавказе	4,11
9	Актуализация этнического самосознания, рост негативных этнических стереотипов людей	4,40
10	Деструктивное воздействие СМИ на сознание населения	4,50

* Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. *Региональная конфликтология: экспертное мнение. М., 2007. – С. 47.*

В начале XXI в. (2001–2006 гг.) ситуация изменяется и в качестве наиболее важных конфликтогенных факторов большинство экспертов назвало факторы современной истории развития северокавказского региона и в первую очередь экономическую составляющую региональных конфликтов. Т.е. экономическая составляющая по сравнению с первым этапом конфликтогенного периода с 4 места (табл. 1) переместилась на 1 место (табл. 2). Таким образом, вопросы собственности, рыночной конкуренции, материального обеспечения усиливают и сами усиливаются другими факторами – этносоциальной стратификацией региона, продолжающимися миграционными процессами и их следствиями, политикой региональных органов власти в 2000-е гг.

Отсюда следует, с одной стороны, что если касаться в целом современной России, то ближе всего к точкам наибольшей геополитической напряженности, где тре-

буется высокая степень толерантности, относится, как мы отмечаем Юг нашего государства. Он в свою очередь может быть подразделен на три зоны: 1) Российский черноморский регион (Ростов и Краснодар); 2) Северный кавказский регион (Ставрополье, Калмыкия, Чечня и др.) и 3) Российский каспийский регион (Астрахань, Дагестан). *Чаще всего проблема конфликтогенной ситуации всех трех регионов как раз и возникает вследствие смешения в политическом элитарном сознании этих трех зон в нечто единое, целое.* Речь не идет о том, что следует разделить Юг России на эти административно-территориальные зоны. Речь идет о том, что политической элите необходимо учитывать интересы всех этих трех южных зон России, при выработке ими единой или комплексной стратегической политической концепции.

На рубеже 1990–2004 гг. конфликтность переходит во *второй этап* и перемещается с регионального уровня на локальный, межобщинный уровень, где власть и политическая элита выступает в качестве посредника между конфликтующими сторонами. Этот этап вступает в полосу затяжного регионального этнополитического кризиса. Таких конфликтов на Юге России насчитывалось несколько десятков, ошибочно, как считают некоторые эксперты и чиновники, было их представлять неэтническими, бытовыми, т.е. менее опасными, чем крупномасштабные конфликты более раннего периода. Эти конфликтные ситуации в регионах Юга России рассматривались различными исследователями: философами, политологами, социологами; они были подвергнуты анализу и прогнозу, в результате были сделаны рекомендации и предложения в научных публикациях по сложившейся ситуации. Так, например, еще в 2002 г. по нашим прогнозам было отмечено, что «указанные тенденции миграции населения уже нарушили существовавший в доперестроечный период некий исторически сложившийся «баланс» межнациональных отношений, который обеспечивал относительно спокойную обстановку в Астраханской области» [8, с. 79]. Такая ситуация особенно в приграничных районах области с близлежащими регионами Северного Кавказа может вызвать межнациональную проблему. Но на это мало кто обратил внимание [7]. В результате чего стал назревать конфликт в Лиманском районе, который вылился в Яндыкские события 2005 г. Локальные этнические конфликты опасны своей латентностью и создают благоприятную ситуацию для нарастания напряженности, негативных тенденций в сфере региональной безопасности (с. Яндыки Лиманского района Астраханской области, многочисленные конфликты в Дагестане, Ингушетии) [2].

События осени 2004 г. и 2005–2006 гг. можно отнести к началу *третьего этапа* этнополитических конфликтов – от периода относительной деполитизации этничности к возрастающему влиянию «политического ислама» и включению в политическую жизнь религиозного фактора в том числе православного духовенства. Эксперты-конфликтологи отмечают, что тенденция присутствия в этническом конфликте преобладающего конфессионального компонента рассматривается как глобальная. Т.е. этот этап адекватно созвучен с актуальной современной концепцией С. Хантингтона, изложенной в работе «Столкновение цивилизаций» [10].

Рассматривая три этапа конфликтогенной ситуации необходимо подчеркнуть, что относительная длительность, неустойчивый и обратимый характер конфликтогенной ситуации в регионе Юга России свидетельствуют об отсутствии должной аналитико-прогностической работы квалифицированных специалистов, а также невостребованностью специальных научных исследований со стороны властных структур и государственных учреждений в отношении миграционной политики и изменяющейся геополитической ситуации.

Федеральная власть пытается изменить законодательство в соответствии с реалиями жизни. Так, например, с 15 января 2007 г. внесены изменения в нормативную базу регулирования миграции. Но попытка упростить легализацию законодательно – узаконивания человека (мигранта) в России путем оформления четырех документов снова оборачивается на местах выдачей старого перечня многочисленных документов. Одна из серьезных проблем нашей миграционной политики – это традиционная бюрократическая волокита и отсутствие реального общественного контроля. Такой

контроль нужен не только для того, чтобы защитить мигрантов. В первую очередь он необходим для того, чтобы защитить граждан России [5].

Говоря о высокой степени толерантности необходимо учитывать, что она, в целом, среди всего российского населения относительно невысока. Об этом говорят известные исследователи: Л.М. Дробижина (Институт социологии РАН), В.А. Тишков (Институт этнологии и антропологии РАН), А.Г. Асмолов (МГУ). Довольно интересными стали результаты изучения толерантности на Юге России. Несмотря на отдельные видимые усилия властных структур по пропаганде терпимости по отношению мигрантов и коренного населения или к отдельным группам населения, уровень толерантности в регионе стал низкий [4, с. 173–176]. Надо подчеркнуть, что в регионах Нижнего Поволжья раньше, в 70–80-е гг. XX в., толерантность была относительно высока по сравнению с другими центральными регионами России, вследствие экономической стабильности и невысоким уровнем миграции. Главное препятствие – совершенно разное понимание этническими элитами своих интересов (как представителями местного населения, так и мигрантами). Другая причина – нестабильность в некоторых территориях региона, прежде всего экономической (борьба за передел собственности на фоне безработицы и общей неустроенности коренного населения), а также социальная, политическая нестабильность.

Проведенные исследования в области межэтнических отношений позволяют выразить заботу, и указывают на необходимость усиления работы по урегулированию этнополитических конфликтов в регионах Юга России. Такая работа должна быть, по мнению ведущего научного сотрудника Южного научного центра РАН, д.ф.н., профессора Г.Д. Гриценко, как минимум двухуровневой. Первый (нижний) уровень – урегулирование и разрешение конкретных конфликтов, локального и этносоциального напряжения, прежде всего «застарелых» и существенно влияющих на региональные процессы. Второй уровень – макрорегиональный, наращивание потенциала согласия и созидания в регионе через реализацию межрегиональных мегапроектов, возрождение и создание новых современных производств и новых технологий. Исключительно важной составляющей при этом должен быть ее духовный компонент с привлечением молодого поколения и т.д. [3, с. 43–44].

Мировая практика последних лет показывает, что миграционные процессы должны четко регламентироваться и регулироваться со стороны государства. На рубеже XX–XXI вв. в мире значительно увеличились потоки миграций, охвативших все территории земного шара. Мотивации этого процесса могут быть различными. Но главная из них – поиск лучших условий для проживания. На сегодняшний день более 100 млн человек живут вне тех стран, где они родились (20 млн из них беженцы) [4, с. 61]. Это еще раз подтверждает реальную действительность – перемещение населения выступает в роли исторического спутника развития, приобретающую в эпоху глобализации все более масштабный характер. Поэтому методы принудительного характера к прекращению этого процесса со стороны властных структур приводят к различным негативным конфликтным ситуациям. Как бы не стремились эти процессы сдерживать, все же миграция в настоящее время достигла исторически уникального уровня, формируя особую модель глобализации, включающую в себя распространение информации, передвижения людей, денег и товаров. А с другой стороны, пускать эти процессы произвольно, без учета специфики традиций той страны и нормативной, законодательной базы данного государства, куда направлен поток мигрантов – этому уже есть примеры западноевропейских стран (Франция, Германия, Бельгия и др.). Многие факторы в последние годы уже начинают приобретать серьезный смысл. Есть предположения ученых специалистов, что придет время, когда, народы, представляющие мигрантов в развитых странах Западной Европы просто сметут и кардинально изменят этнический состав населения этих государств. Основными причинами возрастающей миграции населения в данных процессах выступают, прежде всего, экономические и политические кризисы, а также межэтнические столкновения.

Привлекательность дешевой рабочей силы в мигрантах, ее зависимость от условий труда, размера материальных вознаграждений создает более облегченные усло-

вия для работодателя, чем наем своих работников с их устоявшимися нормами и традициями. В этом плане часто ситуацию часто усугубляет распространение СМИ сведений о более высоком благосостоянии и уровне жизни в тех странах и регионах, куда направляются мигранты, не учитывая при этом готовность этих территорий к миграционному наплыву и их социальному обустройству. Показательным примером в этом отношении считается Южный Федеральный округ, где более экономически развитые регионы привлекают миграционные потоки (Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области).

Исходя из вышеизложенного, в настоящее время этнополитическая безопасность Астраханской области в значительной степени зависит от деятельности политических элит региона и ее национальных сообществ, особенно при разрешении конфликтогенной ситуации в условиях стабилизации социально-экономической жизни края.

Астраханская область занимает третье место по миграционному приросту в стране после Москвы и Краснодарского края, с коэффициентом роста 73,8 [6]. Пестрота этнической картины данного региона (162 национальности) явилась результатом, с одной стороны, исторического прошлого и географического расположения территории. Так, на востоке Астраханская область граничит с Казахстаном, на севере и северо-западе – с Волгоградской областью, на западе – с Республикой Калмыкия. Астраханская область дает выход России через Каспийское море в Иран, Индию, государства Средней Азии и Кавказа, а железнодорожный путь и автодороги связывают его с Северным Кавказом. С другой стороны, характерно влияние современных тенденций социально-политического и экономического характера. В начальный период 1990-х – начала 2000-х гг. причины роста миграции в крае – это спад экономики в стране, распад СССР, что явилось причиной привлекательности Астраханского региона к себе. Астраханская область богата рыбной, сельскохозяйственной продукцией, не требующей при добыче и разработке больших капитальных вложений, трудоемкого производства, – все это стало доступным для специфического прибывающего населения, у которого товары первой необходимости служат средством выживания. Наряду с вышеизложенными причинами, сопутствующим фактором является близость расположения регионов, осуществляющих между собой обмен, куплю и перепродажу товаров, нахождение выгодных рынков рабочей силы в относительно спокойном районе Юга России в отличие от конфликтных зон Дагестана, Чечни и др.

Следующий период миграционного всплеска, как и во всей России, начался в 2007 г. Это связано в большей степени, как было отмечено, с тем, что в январе прошлого года вступил в силу целый ряд изменений в миграционном законодательстве: закон о миграционном учете, исправленный закон о правовом положении иностранных граждан, а также о розничных рынках, в котором есть статьи, регулирующие работу иностранцев.

Все это, безусловно, привлекает миграционное население так называемого «первого эшелона» соседних республик, краев и областей в Астраханскую область.

Появляются и тенденции миграции в регион так называемого «второго эшелона» населения – это в основном специалисты-профессионалы, бизнесмены – предприниматели с центральной части России, с промышленно развитых регионов, стран СНГ, республик, краев и областей.

«Второй эшелон» миграционного населения привлекает в Астраханском регионе перспективы экономического развития. Это возрождающееся судостроение, интенсивное жилищное строительство, в связи с наступающим юбилеем города; разработка богатых месторождений газа, серы, нефти, соли; строительство трубопроводного концерна, международного морского порта «Оля»; открытие Иранского и Казахского консульства, турецких представительств и т.д.

Только за четыре месяца 2008 г. иностранным гражданам было выдано 6000 разрешений на работу, 27 тысяч человек встали на миграционный учет временно, 1500 человек стали гражданами России. Еще с прошлого года в Астраханской области работают 11 тысяч иностранных граждан. За 7 месяцев 2008 г. законно оформленных мигрантов увеличилось на 30 %. Сегодня среди территорий, откуда к нам прибывает иностранная рабочая сила, лидирует Средняя Азия, за ними следует

Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, а также Азербайджан и Армения. Они в большинстве своем трудятся в сельском хозяйстве и строительной отрасли. Из Украины в основном сюда прибывают специалисты более высокой категории, так называемые «белые воротнички», которые работают в судостроительной отрасли [6].

Следует отметить, что в «доперестроечный период» в Астраханском регионе существовал некий исторически сложившийся «баланс» межнациональных отношений, что давало относительно спокойную обстановку в области [8].

Миграция населения с территории Северного Кавказа, Азербайджана, Ирана в Астраханскую область, в отличие от других регионов центральной части России, где существует абсолютное большинство славянской национальности, здесь воспринимается более благосклонно и с ними коренное население традиционно свободно вступает в контакт и разного рода взаимоотношения.

Таким образом, это ведет к тенденции перераспределения этнического состава и увеличения населения мусульманского вероисповедания.

С 1990-х гг. наметилось значительное изменение структуры национального состава Астраханской области по количественным и качественным параметрам. Традиционное соотношение между исторически проживающими нациями изменяется. Так, согласно последней переписи населения 2003 г. приток с Северного Кавказа некоторых национальностей увеличился в несколько раз по сравнению с 1989 г. (лезгины в 9,9 раз, азербайджанцы и аварцы в 8,8 раз, армяне и даргинцы в 3 раза)¹. Наиболее крупные потоки миграции из Кавказских регионов привели к перегруппировке исторически сложившейся структуры населения, что может рождать не всегда положительные перспективы в регионе.

При изучении этих процессов и соответствующей работе, необходимо дифференцированно и в тоже время квалифицированно подходить к данной ситуации. Конкретно это касается населения с мусульманским вероисповеданием Астраханской области, которое делится на коренных жителей со своими устоявшимися традициями и обычаями, и миграционное население, привносящее свои более строгие обряды и нравы (Северный Кавказ, Средняя Азия). Для коренного астраханского населения в целом характерно то, что пока в большинстве случаев взаимоотношения с другими национальностями строятся на основе традиционной многовековой дружбы, взаимоуважения и доверия друг другу. Хотя ситуация как было уже отмечено в этническом составе изменяется.

Особую роль здесь должно сыграть изучение и популяризация идей исламской культуры их представителей, а также разъяснительная работа, проведение соответствующих мероприятий с представителями этнической элиты, национальными обществами, мусульманскими общинами, конечно же, в тесном контакте с их старейшинами, лидерами, имамами мечетей и т.д.

По всем вышеизложенным причинам на каждом этапе развития общества государство должно определять свои национальные интересы. Для многонациональной России в данный период актуальными приоритетами являются: территориальная целостность страны, сохранение гражданского мира и политическая стабильность государства, которая, конечно же, основывается в первую очередь на благоприятную экономическую основу.

Поэтому один из главных вопросов национальной безопасности России (это подтверждается сегодняшней практикой) – четкое законодательное регулирование миграционных процессов.

В связи с этим при формировании концепции по этнополитической безопасности Астраханской области, предусматривающей современные тенденции народонаселения с ее быстрыми изменениями, мы считаем крайне важно акцентировать внимание на таких ее составляющих, как:

- государственные (общереспубликанские, региональные и местные) программы целевой помощи переселенцам, их интеграция в рыночную экономику, дальнейшее совершенствование региональных нормативно-правовых актов государственной национальной политики на местах;

¹ По последним данным Областного комитета государственной статистики астраханской переписи 2003 г.

- осуществление эффективно поставленной системы информации о положении на рынках труда, об условиях жизни в территориях, где требуется человеческий ресурс;
- создание системы постоянно действующих мониторингов межэтнической ситуации в регионах с привлечением интеллектуального потенциала и научного сообщества;
- тесное взаимодействие ученых-обществоведов, всех интеллектуальных сил (включая и этнические элиты), а также СМИ и региональных структур власти в области миграционных процессов и межнациональных отношений;
- межрегиональные соглашения, регулирующие вопросы миграции населения, предупреждающие дискриминацию национальных меньшинств и диспропорцию рынка рабочей силы.

Сегодня, как политическим и государственным структурам, так и в не меньшей мере этническим сообществам в целях национальной безопасности страны необходимо учитывать новые специфические интересы регионов с целью выравнивания как культурной, так и социально-экономической асимметрии, в связи с ее высокой степенью миграции. Потому что рост территориальной дифференциации имеет своим следствием не только повышенную эксплуатацию как природных, так и человеческих ресурсов отдельных регионов, но и может привести к распаду общего экономического и геополитического пространства государства.

Библиографический список

1. *Авксентьев, В. А.* Региональная конфликтология: экспертное мнение / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев. – М., 2007.
2. *В Яндыках* чеченцам грозят «второй Кондопогой» // Факт и компромат. – 2006. – № 47.
3. *Гриценко, Г. Д.* Межэтнические отношения на Северном Кавказе: конфликтологический дискурс / Г. Д. Гриценко // Человек сообщество управление. – 2007. – № 3. – С. 43–44.
4. *Дмитриев, А. В.* Конфликты миграции / А. В. Дмитриев, Н. С. Слепцов. – М., 2004. – С. 173–176.
5. *Миграция: фантомы 90-х и реалии XXI века* // Краснодарские известия. – 2008. – 14 марта.
6. *По миграционному* приросту мы на третьем месте в стране // Комсомолец Каспия. – № 41. – 21 мая 2008.
7. *Трагедию* в Яндыках можно было предотвратить // Факт и компромат. – 2005. – № 38.
8. *Усманов, Р. Х.* Астраханская область. Этническая структура населения / Р. Х. Усманов // Народонаселение. – М., 2002. – № 2. – С. 79.
9. *Усманов, Р. Х.* Влияние структур власти и ее интеллектуального потенциала в условиях конфликтогенной ситуации на безопасность миграционных процессов / Р. Х. Усманов // Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтогенной ситуации на юге России. – Краснодар, 2007. – С. 98–106.
10. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2005.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Л.Я. Чикарина
(Россия, г. Краснодар)

Ключевые слова: гражданское общество, политика, внутренняя политика государства, социальная политика, социальные группы, социальные проблемы, субъекты социальной политики.

Key words: civil society, policy, state home policy, social policy, social groups, social problems, social policy subjects.

Политика любого государства связана с решением широкого круга социальных проблем. Это во все времена было актуально, но особенно актуальным становится